

Исполнение Постановления Конституционного Суда РФ – зеркало справедливости судебной системы

В данной статье рассмотрен вопрос об исполнении постановлений Конституционного Суда РФ через призму необходимости восстановления нарушенных прав и принципов эффективной правовой защиты.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; пересмотр по новым обстоятельствам; толкование; справедливость.

Быть добрым совсем нетрудно; трудно быть справедливым.
В. Гюго

Мы всегда полагали, что оспаривание нормативных актов, как в процедуре оспаривания их конституционности, так и в процедуре административного судопроизводства, служит для защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений [4].

Это утверждение звучит аксиоматично (как утверждение, не требующее доказательств), но оно может быть доказано, поскольку для того, чтобы обращения граждан или их объединений были приняты судом, нужно, чтобы их права были нарушены оспариваемым нормативным актом. Судебные органы, Конституционный Суд РФ взываются к правозащитной деятельности фактом нарушений прав и свобод, и заявитель должен быть «жертвой», его права, свободы и законные интересы должны быть нарушены [5], либо он должен доказать, что существует реальная угроза их нарушения¹.

Соответственно, признание нормативного акта неконституционным или противоречащим вышестоящему нормативному акту должно в дальнейшем стать причиной восстановления нарушенных прав.

Однако, когда знакомишься с правоприменительной практикой, иногда создается впечатление, что суды считают оспаривание не способом защиты нарушенных прав, а неким альтруистическим действием, которое не создает благоприятных правовых последствий для лиц, оспаривавших нормативный акт. Такая практика порождает сомнение в возможности добиться справедливости и подрывает веру в правосудие.

Рассмотрим в данной статье пример неисполнения Постановления Конституционного Суда РФ, вынесенного по важному социальному вопросу.

Некоторое время назад мы обращались к проблеме исполнения Постановлений Конституционного Суда РФ, подготовив по просьбе коллег ходатайство о разъяснении Постановления Конституционного Суда РФ, которое закончилось вынесением Определения Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Мы полагали, что данное Определение разрешило проблему и устранило барьеры в исполнении решений Конституционного Суда РФ. Это предположение

* **Айдар Рустэмович Султанов**, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (г. Нижнекамск).

¹ См. ч. 2 ст. 62 КАС РФ.

мы делали из следующих правовых позиций Конституционного Суда РФ: «Отсутствие непосредственно в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации такого основания для пересмотра дела, как выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла нормы, который ранее в процессе правоприменения ей не придавался, не может служить поводом для отказа в пересмотре. Иное – вопреки требованиям и предназначению ст. 125 (ч. 4 и 6) Конституции Российской Федерации, а также ст. 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» – приводило бы к невозможности исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации и потому лишало бы смысла обращение заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации, делая иллюзорным предоставленный гражданам и их объединениям способ защиты своих прав с помощью конституционного правосудия. Положение части второй ст. 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяющее последствия решений Конституционного Суда Российской Федерации, распространяется на любые административные процедуры, а также на все виды судопроизводства, предусмотренные Конституцией Российской Федерации. Указанное законоположение в соответствии со ст. 15 (ч. 1) и 76 (ч. 3) Конституции Российской Федерации обладает приоритетом перед имеющим статус федерального закона Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Ссылка в решении Конституционного Суда Российской Федерации на часть вторую статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» означает, что *содержащееся в ней предписание о пересмотре дел заявителей подлежит исполнению, в том числе – при отсутствии в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации специально предусмотренных адекватных процедур* – на основе процессуальной аналогии».

Из этого со всей очевидностью можно было ожидать, что вопрос исполнения постановлений Конституционного Суда РФ не может быть зависим от пробелов в процессуальных законах или несовершенств содержащихся в них процедур.

Однако количество обращений в Конституционный Суд РФ с оспариванием положений ст. 392 ГПК РФ, как не обеспечивающей исполнение Постановлений Конституционного Суда РФ, показывает, что проблема требует законодательного регулирования.

Процедура пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам не может быть признана универсальным средством для исполнения решений Конституционного Суда РФ, тем более что она описана законодателем в ГПК РФ лишь рудиментарно [6], без учета правовых позиций Конституционного Суда РФ. К сожалению, сама по себе данная процедура в том виде, в котором она закреплена в ГПК РФ, не может в полной мере обеспечить восстановление нарушенных прав, хотя и может быть вполне успешно применена в качестве процессуальной аналогии для восполнения пробела. Всё же мы полагаем, что законодательный способ разрешения данной проблемы более правилен, поскольку применение аналогии в большой степени зависит от усмотрения суда [7]. Тем более что процедура пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам предполагает, что пересмотр производит суд, который и вынес решение без учета требований Конституции РФ и который иногда может настаивать на своей «правоте» и уклоняться от исполнения решения Конституционного Суда РФ.

Недавний пример неисполнения судами Постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности п. 5 части четвертой ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других»,

которым п. 5 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации был признан не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

Напомним, что причиной обращения в Конституционный Суд РФ явилось применение п. 5 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации, в частности, при рассмотрении Рудничным районным судом города Прокопьевска Кемеровской области гражданских дел по искам граждан к государственному учреждению «Кузбасское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации». Так, в пользу Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и С. Н. Долгунова решениями данного суда от 18 марта 2015 года, от 18 сентября 2015 года и от 3 февраля 2015 года соответственно, оставленными без изменения судом апелляционной инстанции, были взысканы суммы индексации несвоевременно выплаченных страховых платежей, определения правовой природы платежей по возмещению вреда здоровью и страховых выплат, осуществляемых по программе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Однако в 2016 году определениями того же суда, также оставленными без изменения судом апелляционной инстанции, эти решения были отменены в связи с новым обстоятельством, в качестве которого суды указали правовую позицию о недопустимости индексации указанных сумм на день исполнения решения, выраженную в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2016 года по делу № 81-КГ16-3, по данным делам был также осуществлен поворот исполнения судебных актов. То есть, хотя предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ была только неконституционность ст. 392 ГПК РФ, вопросов, касающихся справедливости нормативного регулирования и правоприменения, было больше, в частности, конституционности толкования ст. 445 ГПК РФ, положений закона об индексации. Некоторые из граждан в аналогичной ситуации стали строить защиту на оспаривании положений ст. 445 ГПК РФ², но в рассмотрении их жалобы Конституционным Судом РФ было отказано в связи с тем, что еще не закончена стадия пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформированных в Постановлении от 17 октября 2017 года № 24-П.

Соответственно, вопрос исполнения Постановления Конституционного Суда РФ № 24-П от 17 октября 2017 года являлся значимым не только для заявителей по делу, но и для других лиц. Но здесь мы более внимательно рассмотрим исполнение Постановления Конституционного Суда РФ в делах некоторых заявителей. В соответствии с названным Постановлением Д. А. Абрамов, В. А. Ветлугаев, С. Н. Долгунов, Е. А. Казаченко и В. П. Печков, руководствуясь п. 3 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации, обратились в суд с заявлениями об отмене судебных постановлений, основанных на п. 5 части четвертой ст. 392 данного Кодекса, по их искам к государственному учреждению «Кузбасское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации» о взыскании денежных сумм.

---

² Определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 585-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Владимира Степановича Волосникова на нарушение его конституционных прав положениями части третьей ст. 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Рудничный районный суд города Прокопьевска Кемеровской области производство по указанным заявлениям прекратил, указав, что судебные постановления, которыми дело не разрешается по существу, могут быть пересмотрены лишь в том случае, если они исключают возможность дальнейшего движения дела, к числу которых определения Рудничного районного суда города Прокопьевска Кемеровской области от 3 августа 2016 года, от 26 июля 2016 года, от 25 августа 2016 года и от 17 мая 2016 года (об отмене по новым обстоятельствам решений этого суда) не относятся, поскольку данными определениями делá не были разрешены по существу и их вынесение не может повлиять на возможность дальнейшего движения дел.

То есть суд полагал, что определение, вынесенное по результатам заявления о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, не может быть объектом пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам. Полагаем, что в данном случае суд даже не задумывался о справедливости своего подхода, а лишь настаивал на его законности. Жаль, ведь это помогло бы исправить уже совершенную ошибку. Напомним позицию Верховного Суда РФ о том, что решение не может быть признано справедливым, судебная защита не может считаться полной и эффективной, когда допущена судебная ошибка, и что необходимо также руководствоваться ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., согласно которой решение суда подлежит пересмотру, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки³.

Некоторые процессуалисты полагали, что пересмотр судебного акта в случае выявления неконституционности нормы не должен осуществляться судом, вынесшим решение, а должен осуществляться в инстанционном порядке [8; 1 и др.]. Хотя мы не разделяли этой точки зрения, мы соглашались с тем, что при пересмотре судебного акта судом, вынесшим судебное решение, возникает риск неспособности суда, который при рассмотрении дела не увидел либо проигнорировал нарушение положений Конституции и/или Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признать свою собственную судебную ошибку и вынести справедливое решение [3].

Однако вернемся к вопросу об объекте пересмотра. Надо отметить, что в ч. 1 ст. 392 ГПК РФ содержится лишь указание, что «решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам». В данной статье не содержится никакого ограничения для пересмотра определений.

Однако определение суда о том, что данная категория определений не подлежит пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам, не является произвольным, оно фактически основано на обязательной силе разъяснений Верховного Суда РФ.

А именно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» дано разъяснение, сужающее объект для пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам: «Вступившие в законную силу ре-

---

³ См. Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 2005 г. № 26 «О вопросе, возникшем после принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2005 г. Постановления № 7 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума ВС РФ от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”»».

шения судов первой инстанции, определения судов апелляционной инстанции, постановления и определения судов кассационной инстанции, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации могут быть пересмотрены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судом, принявшим постановление. Исходя из положений п. 2 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ определения названных судов, которыми дело не разрешается по существу, могут быть пересмотрены в случае, если они исключают возможность дальнейшего движения дела (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ)».

То есть граждане, обратившиеся за исполнением Постановления Конституционного Суда РФ, столкнулись с препятствием в виде ограниченного толкования Верховного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ, рассматривая заявления граждан о разъяснении порядка исполнения Постановления Конституционного Суда РФ, не стал обращать внимание на данное разъяснение Верховного Суда РФ, возможно, потому, что был связан предметом обращения⁴. Конституционный Суд РФ в своем определении цитировал другую часть Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений», в которой говорилось о том, что постановление Конституционного Суда Российской Федерации может являться новым обстоятельством (п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ) и в случае, если оно содержит иное конституционно-правовое истолкование нормативных положений, примененных в конкретном деле, в связи с принятием судебного акта, по которому заявитель обращался в Конституционный Суд Российской Федерации, и в силу этого влечет пересмотр судебного акта в отношении заявителя. Хотя, надо отметить, причиной отказа в осуществлении процедуры явилось не отсутствие в процессуальном законе основания для пересмотра толкования Конституционного Суда РФ, а отрицание такого объекта для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, как определение суда о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

По всей видимости, Конституционный Суд РФ, связанный предметом обращения, вынужден был сконцентрироваться на обязанности пересмотра на основании его постановления и не стал вторгаться в исследование толкования Верховного Суда РФ, ограничивающего объект для пересмотра: *«Пересмотр по новым обстоятельствам судебных постановлений в связи с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации решения, выявившего конституционно-правовой смысл правовой нормы, расходящийся с ее истолкованием, в котором эта норма была применена в конкретных делах заявителей, возможен только в процедуре, предусмотренной гл. 42 ГПК Российской Федерации. Следовательно, в соответствии с п. 3 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации пересмотру подлежат судебные постановления по делам заявителей – определения суда об отмене решений по новым обстоятельствам, которыми спор по существу не разрешен и которые не исключают возможности дальнейшего движения дел, а также основанные на этих определениях решения суда, вынесенные при новом рассмотрении дел, – в которых п. 5 части четвертой ст. 392 данного Кодекса был применен судом вопреки его конституционно-правовому*

---

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 586-О-Р «По ходатайствам граждан Дмитрия Александровича Абрамова, Владимира Анатольевича Ветлугаева, Сергея Николаевича Долгунова, Елены Алексеевны Казаченко и Виктора Петровича Печкова о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 года № 24-П».

смыслу, выявленному в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 года № 24-П».

Однако толкование Пленума Верховного Суда РФ фактически было частью данной правовой ситуации, но не получило правовой оценки.

Полагаем возможным обратить внимание на то, что фактически данное толкование не содержит в себе запретов, а, скорее, осуществляет ограничение через дозволение. Всё же именно ограничение, поскольку сама ст. 392 ГПК РФ не ограничивает круг определений, подлежащих пересмотру. Мы не уверены, что возможно ограничение прав на судебную защиту судебным толкованием, особенно через дозволение – «в отношениях, где адресатами дозвоительных норм являются граждане, общие дозволения могут быть конкретизированы лишь в плане расширения их прав» [2].

В то же время мы не уверены, что Верховный Суд РФ имел намерение ограничить пересмотр определений, вынесенных в порядке пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Наше сомнение основано на том, что в разъяснении Верховного Суда РФ для определения круга определений, подлежащих пересмотру, сделана ссылка на п. 2 ч. ст. 331 ГПК РФ.

Ст. 331 ГПК РФ очерчивает круг определений суда, подлежащих обжалованию отдельно от решения суда. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ сделана ссылка только на п. 2 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ, но опущена ссылка на п. 1 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ, предусматривающая возможность обжалования определений отдельно от судебного решения, когда это предусмотрено ГПК РФ.

Мы можем предполагать, что это было сделано потому, что не было необходимости разъяснения возможности пересмотра определений в процедуре пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, которые подлежат обжалованию, в связи с очевидностью этого. Однако на практике мы сталкиваемся с другим пониманием судов.

Правильней всё же давать толкования, исключаящие неоднозначность во избежание необоснованного ограничения прав и свобод граждан. В качестве примера сошлемся на разъяснение аналогичного вопроса в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»: *«Определения суда могут быть пересмотрены по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в случаях, если: 1) в соответствии с АПК РФ предусмотрено обжалование определения; 2) определение препятствует дальнейшему движению дела».*

Напомним, что определения о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам в настоящее время подлежат обжалованию (ч. 2 ст. 397 ГПК РФ). Ранее существовавший запрет на обжалование таких определений был признан неконституционным в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй ст. 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и других»

Полагаем, что правовые позиции Конституционного Суда РФ из данного Постановления должны были быть учтены судом первой инстанции, что исключило бы задержку с восстановлением конституционных прав граждан: «Устанавливая запрет на обжалование в кассационном (апелляционном) порядке определения суда первой инстанции об удовлетворении заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам и не позволяя тем самым эффективно контролировать обоснованность отмены этого судебного постанов-

ления и возобновления рассмотрения дела, часть вторая ст. 397 ГПК Российской Федерации лишает заинтересованных лиц адекватных средств правовой защиты от произвольной отмены судебных постановлений, вступивших в законную силу, что, в свою очередь, может повлечь на этой стадии гражданского судопроизводства, носящей экстраординарный характер, неоправданные отступления от принципа правовой определенности и стабильности судебных актов. Тем самым нарушаются право на справедливое судебное разбирательство, как оно гарантировано в том числе ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и, соответственно, – вытекающие из ее ст. 13 международные обязательства Российской Федерации. <...> Из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 июня 2006 года № 6-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 25 марта 2008 года № 6-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П). <...> Установление пониженного уровня процессуальных гарантий защиты прав граждан в делах, рассматриваемых судами общей юрисдикции, не может быть оправдано спецификой этих дел и приводит к нарушению закрепленного в ст. 19 (ч. 1) Конституции Российской Федерации принципа равенства всех перед законом и судом».

Таким образом, мы видим, что, действительно, препятствий в пересмотре определений по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам, в этой процедуре не существует, а имеет место лишь неправильное толкование судами разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

На наш взгляд, любое толкование норм всегда должно осуществляться только через призму ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», ну а право само по себе – это искусство добра и справедливости, а не торжество бездушного формализма.

В начале судебной реформы в России были правильно расставлены акценты: «Благодаря судебному процессу закон применяется не механически, на манер клейма, а по правде и по совести. Суд не только устанавливает, но очеловечивает истину»⁵.

Если бы эти основы не были забыты и если бы суд осознавал свою функцию как органа, должного восстановить нарушенные права применением неконституционного закона, он не стал бы искать причины, чтобы уклониться от восстановления нарушенных прав. Впрочем, это помогло бы ему и более правильно разрешать вопросы, связанные с толкованием законов в сторону их более справедливого правоприменения.

---

⁵ Концепция судебной реформы в РСФСР, представленная Президентом РСФСР, одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1.

Р. С. Не можем не отметить, что скорость рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ за последнее время сильно увеличилась, как и количество рассмотренных дел. Уже после того, как статья была практически закончена, было опубликовано Постановление Конституционного Суда РФ №35-П от 23.07.2018, которым была признана неконституционной ч. 1 ст. 208 ГПК РФ в той мере, в которой она не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться индексация присужденных сумм. Также нам стало известно, что один гражданин, настоявший на пересмотре судебного акта на основании вышеуказанного Постановления Конституционного Суда РФ, всё же не смог добиться защиты своих интересов, и теперь жалоба гражданина В. С. Волосникова на нарушение его конституционных прав абзацем второй части третьей ст. 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации принята Конституционным Судом РФ к рассмотрению.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения не соответствуют ст. 1 (ч. 1), 7 (ч. 1), 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 39 (ч. 1), 45 (ч. 1), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют суду по заявлению государственного органа осуществлять поворот исполнения решения суда о присуждении гражданину ежемесячных страховых выплат в счет возмещения вреда здоровью, причиненного в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, начисленных ему по исполнительному листу на основании вступившего в законную силу решения суда, отмененного судом кассационной инстанции, при отсутствии виновных действий лица, способствовавших назначению таких выплат, на том лишь основании, что соответствующие выплаты производятся в рамках отношений по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а не в рамках отношений по возмещению вреда здоровью.

Борьба за право и справедливость продолжается...

Литература

1. Алиев Т. Т., Афанасьев С. Ф. О влиянии постановлений Конституционного Суда РФ на институт пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определенных суда, вынесенных в порядке гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 11. – С. 36.
2. Лазарев В. В. Что не запрещено – дозволено? // Лазарев В. В. Избранные труды. – Т. 2. – С. 409.
3. Султанов А. Р. Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и res judicata // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 96–104.
4. Султанов А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // Закон. – 2010. – № 4. – С. 143–155.
5. Султанов А. Р. О праве заинтересованных лиц на обжалование решения по делу об оспаривании нормативного акта // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 5. – С. 87–109.
6. Султанов А. Р. Унификация норм о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам как совершенствование средств исправления судебной ошибки // Закон. – 2007. – № 11. – С. 99–113.
7. Султанов А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 65–77.
8. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., 2007. – 320 с.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of the Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim
(Nizhnekamsk)

**Execution of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation –
a Mirror of Justice of the Judicial System**

This article considers the execution of the Constitutional Court of the Russian Federation through the prism of the need to restore violated rights and the principles of effective legal protection.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation; review on new circumstances; interpretation; justice.